

ЗАТОПИЛИ НАС ВОЛНЫ ВРЕМЕН...

Несбывшееся *судьба* — 2000 — 28 нояб. — с. 7

Геннадий Красников

СУДЬБА распорядилась так, что жизнь Александра Блока пришлась на трагические времена, когда русский мир взорвали не нашествие врагов, не стихийные катаклизмы, но когда его разрушили изнутри:

Неслыханные перемены, невиданные мятежи...
Гоголь написал однажды: «Вдруг стало видно во все концы света...» Блок жил во времена, когда:

*Не видать совсем друг друга
За четыре шага!*

Но там, где нельзя видеть, можно только провидеть. Как никто другой, Александр Блок всю жизнь нес в себе (хотел нести!) чистый и священный Идеал России, но Идеал этот оказался к началу XX века все более двойным и в конце концов расколотым. Рожденный быть поэтом Идеала, Блок стал поэтом раскола, отразив всю его заволаживающую саморазрушительную красоту.

Осознавая собственный пророческий дар, Блок скажет о своих стихах в 1912 году: «...прочтите в них о будущем». Но еще раньше он говорит об ином (боюсь своих пророчеств, страшась будущего?):

*Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забиться бы сном навседа!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!*

И тут открывается свой узел противоречий: «Читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы указаний пути». Так видел предназначение, миссию поэта Блок, который с самого начала осознавал и культивировал в себе чувство высокой избранности, собственного предназначения, а значит, и ответственности. «Писатель, — убежден Блок, — верующий в свое призвание, каких бы размеров этот писатель ни был, сопоставляя себя со своей Родиной, полагая, что болеет ее болезнями, ее страданиями, сораспинается с нею».

Блок, как известно, в отличие от многих своих литературных собратьев принял революцию. Что отражено в его статьях, как «Интеллигенция и Революция», «Искусство и Революция». У всех на памяти его на шумевший призыв: «Слушайте музыку Революции!» Еще в июле 1917 года он записывает в дневнике: «Это ведь только сначала кровь, зверства, а потом — клевр, розовая кашка...»

Николай Ошуп писал: «Весь Петербург и, конечно, вся Россия знала, как были ужасны его последние часы. Никакой подающей диагноз болезни у него не было, хоть и говорили о грудной

Александр Блок.

жабе. Он так кричал и бился, что обожавшая его мать молила Бога, чтобы сын ее скорее умер...». Это случилось в августе 1921 года. Через 17 дней, 24 августа, был расстрелян поэт Николай Гумилев. Два антагониста, два поэта-антипода, как античные герои, явили собой две части одной судьбы, одного раскола.

...Ключевые слова поэзии Блока — Путь, Россия, Возмездие.

Путь у него — и Судьба, и История, и стихия, и «вечное возвращение». И все это — в движении. Он самый антистатичный поэт. Недаром Пастернак так высоко ценил в нем то, что называл «блоковской стремительностью»...

В определенном смысле можно утверждать, что Блок строил свою жизнь как литературный сюжет. Фактически он прописывал сценарий каких-то принципиальных поступков, шагов. Он гениально играл роль Блока («роль поэта — не легкая и не веселая; она трагическая», — говорил он в речи о Пушкине), творил себя (как Лев Толстой создавал себя, лепил характер в собственных дневниках). Не отсюда ли у Блока его дневниковая самоинспекция, его самозаклинания: «Господи, дай мне быть лучше», или «Вот эстетическое, чего нельзя говорить людям... искусство связано с нравственностью». Планка ставилась непостижимо высокая. Не случайно он свое творчество считал «романом в стихах». А роман, понятно, сам собой не складывается, он пишется, продумывается, во всяком случае, до существенных деталей. Частично можно считать «программой» этого блоковского авторомана его стихи:

*О, я хочу безумно жить!
Все сущее — увековечить,
Безличное — воочеловечить,
Несбывшееся — воплотить.*

Блок — поэт Несбывшегося. Ибо сколько он ни вслушивался, сколько ни призывал — Оно не свершилось, не сбылось. Какими бы именами он ЭТО ни называл — Прекрасной Дамой, Музыкальной Революцией или «розовой кашкой»...

Блок — абсолютно русский писатель (хотя Есенин и называл его «голландцем на наших русских полях»). И все же только русские широта и крайности могут вести к Идеалу таким путем метаний. И каждый отход, отказ от прежнего себя на новом этапе трагически переживается как собственное «падение», «нисхождение». «Сорвалось что-то в нас... И сама Россия оказалась нашей собственной душой», — скажет поэт. И здесь проявилась главная черта Блока — все доводить до последней точки кипения. Недаром он так серьезно увлекался сектантством, всегда доводящим до того самого «сжигания себя дотла» (к чему призывал Блок в творчестве, что тоже есть род сектантского самосожжения).

То, что, к примеру, для Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского было умозрительной «антимичностью» (Блок называл это — «мистическим рационализмом», «симметричностью идей») — где пара умирали Христос и антихрист, Добро и Зло, Красота и Грядущий Хам, — то для Блока и было трагическим расколом. Так он «отпадал» от Прекрасной Дамы:

*Опять — любить Ее на небе
И изменять ей на Земле...*

Он делает осознанный выбор — идя на разрыв со своим «барством», о котором, впрочем, хорошо заметил Клюев в письме к Блоку: «Если бы Вы не упоминали почти в каждом письме про свое барство, то оно не чувствовалось бы мною вовсе». Но поэт к этому времени уже довел свое чувство до «экстаза»... И оказался в жесткой связке — Блок и Революция, в связке, о которой только и можно было сказать словами Пушкина: гений и злодейство — две вещи несовместные.

Он пишет поэму «Возмездие», взяв к ней эпиграф из Ибсена: «Юность — это возмездие». Но драма целой поэмы Блока есть уже в сжатом виде в коротком стихотворении Лермонтова «Печально я гляжу на наше поколение...», в котором пророчески предсказан, кажется, и сам автор «Возмездия»:

*Толпой угрюмою и скоро
позабитой
Над миром мы пройдем
без шума и следа,
Не бросивши векам
ни мысли плодотворной,
Ни гением начато труда.
И прах наш, с строгостью судьбы
и гражданина,*

*Потомок оскорбит
презрительным стихом,
Насмешкой горькою
обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

Кто они, эти «дети страшных лет России», о которых пишет поэт? Это и сам Блок, и весь Серебряный век с его философией, поэзией, религиозной мыслью, с его музыкой, балетом. Ведь это и Константин Циолковский, и Александр Чичевский...

Почему-то все требуют ответа от автора поэмы «Двенадцать»: кто идет, куда, кого ведут? Может, поэтому требуют, что сам поэт признает: «Вопрос «зачем?» — особенно русский вопрос». Не так уж плохо, не правда ли?..

Даже у Демьяна Бедного этот «вопросец» возник:

*А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
да в солдаты!
В Красной Армии штыки,
чай, найдутся.
Без тебя большевики
обойдутся...*

А ведь этот «Ванек», крестьянский пареня, может, единственный у матери сын, прямиком уходит в «Двенадцать» (у Блока найдена пометка на полях рукописи, свидетельствующая именно о крестьянском происхождении его красноармейцев). И не исключено, что именно этот «Ванек» в «Двенадцати» говорит страшные кощунственные слова, которых Блоку никогда не мог простить Бунин:

*Пальнем-ка пулей
в Святую Русь —
В кондовую,
В изыбную,
В толстазудую!*

То, что двенадцать пробило, что все уже можно, об этом в поэме сказано (предсказано). Собственно о том и написано:

*...И идут — без имени святого
Все двенадцать — вальд.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...*

Гениально. Но без ответа на вопрос — «зачем?». Апология стихии? А ведь о той же трагедии и стихии куда точнее, с православным чутьем, скажет антипод Блока, нелюбимый им Николай Гумилев:

*Русь бредит Богом, красным
пламенем,
Где видно ангелов сквозь дым...
Вот какие разные «ветра», какую разную «музыку» слышит эпоха одновременно. Вот какие узлы противоречий у каждого времени. Блок говорил: «В стихах каждого поэта 9/10, может быть, принадлежит не ему, а среде, эпохе, ветру». Следовательно, — 1/10 — это и есть дар «слуха», дар «зре-*

нья». Но именно это и делает нас разными, непохожими друг на друга.

Можно говорить с некоторой долей определенности — что могли бы еще написать Пушкин, Лермонтов, так рано ушедшие, но что мог бы написать Блок (и очень в этом похожий на него Есенин) — представить почти невозможно. Кажется, они дописали себя, довели свой путь до последней строчки. Новой эпохе они были не нужны. Вернее, как люди своей эпохи — они себя в ней выразили полностью, а для того, чтобы шагнуть в зазеркалье другого мира, пришлось разбивать зеркало, увидев в нем отражение «мертвого» двойника. Но таким образом: «Я один и разбитое зеркало», — кончается жизнь. И слова Блока: «Пушкина убила не пуля Дантеса, а отсутствию воздуха», вернулись к нему самому. Умирая, он говорил: «Воздуха не хватает».

Алексей Ремизов гениально заметил после смерти поэта: «Блок заболел весь, «всем человеком»...». «Всем человеком» болеют только смертельно, только когда в другой, наступающей жизни не видишь себе места:

*Затопили нас волны времен,
И была наша участь мгновенная...*

Итак, к концу жизни Блок остался наедине лишь с искусством — ни Прекрасной Дамы в ее заоблачном варианте, ни друзей, ни радости от «розовой кашки» Революции. И тогда «чувство пути» приводит его к последнему причалу. Он приходит к Пушкину. Последние стихи его — «Имя Пушкинского Дома...» Последняя — гениальная простота и ясность. Все так близко и просто. И отсюда, с этой великой пушкинской высоты, открывается наконец страшный итог жизни, «несбывшегося»:

Но не эти они мы знали...

И тогда же, за несколько месяцев до смерти, он назовет власть «чернью», и это будет его Возмездием ей. Но стоило ли проделывать такой трагический путь, чтобы понять столь простые вещи? Видимо, стоило. Отсюда мог бы начаться совершенно новый Блок. Он всю жизнь слушал и призывал слушать «ветер мира». А это был ветер Екклесиаста, который возвращался на круги своя. Но было уже слишком поздно...

...Когда-то Блок готовил к изданию «портативный» сборник стихов Пушкина и долго мучился, что отобрать, с чего начать — все было жалко что-нибудь пропустить. И все же решил: «Начнем брать только от «Редет облаков летучая гряда». «Почему?» — спросил Блока. — «Оно первое, от которого подступают слезы». Любители поэзии знают, что от мнóstких стихов Александра Блока «подступают слезы». Потому что они помогают нам безжалостно заглянуть в собственное сердце, на дне которого мы давно похоронили тоску по Идеалу, по Красоте, по обетованной России...